

— Еще бы! К тому времени мы уже месяц были без еды, а воду пили из дождевых лужиц. Колодцы были засыпаны, кое — какие отравлены: лишь бы не досталось врагу. Я была близка к панике, а тут еще мне в «батальон» добавили 29 малышей из Буденовского детского дома. Так мы дошли до Баку, прошагав тысячи километров. Разузнала, что эвакуационный пункт находится у морского вокзала, а там — толпа, конца края не видно. Пробраться сквозь них не могла бы: у меня ноги были сбиты в кровь, распухли. Легла на землю и по — пластунски стала пробираться к двери начальника эвакуационного пункта, а полевой требует документы, которых у меня нет. С криком: «Ой, мамочка!» вцепилась в бронзовую дверную ручку, на мои вопли вышел начальник эвакуационного пункта. Ему я рассказала все перипетии нашего похода. Я тогда впервые увидела как плачет взрослый мужчина, а потом он поднял меня на руки — я весила килограммов 30 — вынес к бушующей толпе и сказал: «Стыдитесь, паникеры! Сама еще ребенок, а сколько детских жизней спасла от проклятых фашистов!». В общем, получила я пропуск на пароход, который шел на Красноводск, и, самое главное, нам выдали два ведра горячего супа!

— Зиночка, у меня до сих пор перед глазами, как ты делишь по мисочкам тот суп! Как малышня просит добавки, а откуда ее взять? А потом, помнишь, опять шесть голодных дней, да еще под палящим солнцем, на море...

— Нас тогда поместили на корме парохода. Шесть дней мы плыли на пароходе от Баку до Красноводска, пропуская военный флот. Когда на горизонте мы увидели Красноводск, налетел фашистский штурмовик и стал расстреливать нас. От ужаса многие взрослые и несколько моих детей, бросились в море. Тут ударили береговые зенитки, отогнали немца. «Пловцов» моих всех отловили, вернули на палубу. Потом нас посадили в теплушку, мы доехали до Чарджоу, пересели на баржу и по Аму — Дарье доплыли до городка Кирхи, а оттуда в Ашхабад. Детей распределили в приграничный детдом. Пограничники нас встречали как героев... Через несколько дней я попала в больницу, где лежала больше семи месяцев: Врачи определили нервное истощение. Так я стала на всю жизнь инвалидом второй группы.

— Из больницы Зиночку встречали старшие детдомовцы. Мы ее не узнали: огромный бушлат висит на ней как на вешалке, ноги обернуты в газету...

— Катюша, но зато я была на высоченных каблуках! Помнишь, потом нам подарили белые чулки, и мы их закрашивали «химическим» карандашом. Вот какую «красавицу» по путевке комсомола направили возглавить семейную базу: ездила по аулам и собирала семена для колхозов. Фронту нужен был хлеб.

— А как потом сложилась ваша жизнь?

— В Туркмении вышла замуж за военврача погранзаставы, родила сына и — развелась. Вернулась в родной город, решив: никакой личной жизни! Есть сын, Славик, ему и надо посвятить себя. Он мечтал о военной профессии, стал ракетчиком. На 25 — ление Комсомольска — на — Амуре, где служил сын, приехал первый космонавт Юрий Гагарин. Общее увлечение рыбалкой сблизило их. Сын из — готовил Гагарину необыкновенной красоты охотничий нож, и — крустировав его перламутровыми пуговицами от моего халатика, а в ответ получил подарок — фонарь, который космонавт вроде бы брал с собой в космос. Гагарин и мой Славик погибли почти день в день... Однажды я решилась и написала письмо матери Гагарина, поскольку не было сил пережить потерю сына. Общее горе сблизило меня и Анну Тимофеевну. Мы стали переписываться. Ее письма сейчас для меня — поддержка в жизни, лекарство от одиночества...

Это удивительно. Для нее, спасшей в войну 124 ребенка, у государства не нашлось никакой награды.

Правда, в 2002 году, узнав о Зинаиде Колгановой, потрясенный историей детского пешего похода, президент Международной ассоциации детских фондов Альберт Лиханов пригласил ее в Москву, чтобы наградить знаком Детского фонда. В удостоверении к награде говорится: «За подвиг, совершенный в годы Великой Отечественной войны, за беспрецедентную пешую эвакуацию воспитанников детского дома Ставропольского края от наступающих фашистов до Баку. Низкий поклон человеческой ответственности...»

И по меркам нынешней нашей жизни ее история кажется удивительной, да и 60 лет назад воспринималась теми, кто соприкасался с ней, как проявление высокой самоотверженности и мужества. А живет Зинаида Дмитриевна сегодня на пенсию в 1600 рублей, в маленькой неотопливаемой комнатке. Как? Мне это трудно понять, потому что думаешь: что — то перемещалось в наших головах, что — что стало с нашей памятью

Трунг, 2005г., 7 мая.